

В эти дни 70-летие Курской битвы отмечают практически во всех странах бывшего СССР – вспоминают павших и чествуют живых. Главные торжества проходят, конечно же, в самом Курске, куда съехались 62 делегации из городов России, а также Беларуси, Украины, Молдовы, Казахстана, Сербии, Германии, Франции.

Курская битва – перелом!

Перелом в боях на Орловско-Курской дуге наступил в середине июля, когда советские войска перешли в контрнаступление. Но главное – сама Курская битва явилась переломом во всей Великой Отечественной войне.

По напряженности, масштабам, количеству привлеченной техники и людей этому сражению нет равных. Бои продолжительностью в 50 суток начались 5 июля, а закончились 23 августа.

Общий замысел германского командования сводился к тому, чтобы окружить и уничтожить оборонявшиеся в районе Курска войска Центрального и Воронежского фронтов. В случае успеха предполагалось расширить фронт наступления и вернуть стратегическую инициативу.

Немецкие планы наступления на Курской дуге стали известны Ставке Верховного

главнокомандования еще весной. На совещании 12 апреля 1943 года маршал Жуков убедил Сталина и командующих фронтами, что вместо начала упреждающего наступления советских войск «лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

Красная армия начала создавать на выступе систему мощной, прежде всего противотанковой обороны. Советские войска с помощью местного населения вырыли тысячи

километров окопов, траншей, противотанковых рвов, тусто уложили минные поля (на самых танкоопасных направлениях было установлено до 2000 противотанковых мин на каждый километр фронта), возведи проволочные заграждения, подготовили огневые позиции для пулеметов, артиллерии, минометов... Были укреплены села и привлечены к сооружению рубежей обороны до 300 тысяч гражданских лиц, главным образом женщин и детей.

В ходе Курской битвы вермахт безнадежно завяз в обороне Красной армии. Немцы лишь вклинивались на незначительную глубину, но каждый раз, когда враг думал, что ему удалось прорваться, советские войска отходили, и враг наталкивался на новую линию обороны. Уже 9 июля северной группировке наших войск был дан секретный приказ готовиться к переходу в контрнаступление.

Окончательно похоронило гитлеровскую операцию «Цитадель» крупнейшее за всю Вторую мировую войну встречное танковое сражение под Прохоровкой. Советский танкист вспоминал тот первый бой: «Солнце помогало нам. Оно хорошо освещало контуры немецких танков и слепило глаза врагу. Первый эшелон атаковавших танков 5-й гвардейской танковой армии на полном ходу врезался в боевые порядки немецко-фашистских войск. Сквозная танковая атака была настолько стремительна, что передние ряды наших танков пронизали весь строй, весь боевой порядок противника. Боевые порядки перемешались. Появление такого большого количества наших танков на поле сражения явилось для врага полной неожиданностью. Управление в его передовых частях и подразделениях вскоре нарушилось. Немецко-фашистские танки

«Тигр», лишенные в ближнем бою преимуществ своего вооружения, успешно расстреливались нашими танками Т-34 с коротких расстояний, и в особенности при попадании в борт. По существу, это была танковая рукопашная. Русские танкисты шли на таран. Танки вспыхивали как свечи, попадая под прямые выстрелы, разлетались на части от взрыва боекомплекта, слетали башни».

12 июля начался второй этап Курской битвы – контрнаступление советских войск. 5 августа советские войска освободили города Орел и Белгород. Вечером 5 августа в честь этого крупного успеха в Москве впервые за два года войны был дан победный салют. С этого времени артиллерийские салюты постоянно возвещали о славных победах советского оружия. 23 августа был освобожден Харьков. Так победносно завершилась битва на Курской огненной дуге.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Слава легендарного «настоящего человека» Алексея Маресьева, вернувшегося в боевую авиацию после ампутации обеих ног, зарождалась именно во время битвы на Курской дуге. Прибывший накануне Курской битвы в 63-й Гвардейский истребительный авиационный полк старший лейтенант Маресьев столкнулся с недоверием. Летать с ним в поре летчики не хотели, опасаясь, что пилот с протезами не справится в трудную минуту. Не пускал его в бой и командир полка. К себе в пару его взял командир эскадрильи Александр Числов. Маресьев справился с заданием, и в разгар боев на Курской дуге совершал боевые вылеты наравне со всеми.

Курская битва стала поворотной точкой войны на Восточном фронте. Вермахт больше не смог вести генеральных

наступлений. Поражение Германии стало только вопросом времени. С августа 1943 года многие трезво

20 июля 1943 года во время боя с превосходящими силами противника Алексей Маресьев спас жизни двух своих товарищей и лично уничтожил два вражеских истребителя «Фокке-Вульф 190». Эта история тут же стала известна по всему фронту, после чего в полку и появился писатель Борис Полевой, обессмертивший имя героя в своей книге. 24 августа 1943 года Маресьеву было присвоено звание Героя Советского Союза. За время участия в боях летчик-истребитель Алексей Маресьев лично сбил 11 самолетов противника: четыре до ранения и семь – возвратившись в строй после ампутации обеих ног.

мецкие военачальники понимали, что война проиграна.

Анатолий БРИН

живым

тогда немец со злостью начал бить меня плеткой. Мама подбежала и забрала меня. Нас гнали через деревни Иванск, Медведск, Промыслы... Фашисты боялись, что дорога заминирована партизанами, поэтому вперед пустили нас и лошадей с гребенками. Затем около 70 человек загнали в сарай, выпустили зараженных тифом блох из двух коробок и закрыли на ночь. Утром открыли сарай и уехали.

Мы пошли обратно в свою деревню, но вернулись на пепелище. Пришлось строить землянки, шалаши. Мама принесла из леса палки, уложила их на печь под углом к земле и накрыла осокой. Так у нас получился шалаш, в котором мы и жили...

Над Иванском был сбит немецкий самолет. Когда он упал, из него вывалились ящик с посудой, который я нашел. Потом в ней все жители деревни по очереди готовили еду. Тогда же я нашел кожаную командирскую сумку и смастерил из нее себе обувь – сандалеты на деревянной подошве. Таким было мое детство – трудное и полуголодное. Впрочем, не только мое, почти все так жили...

И хотя не все односельчане, воевавшие в Красной армии, вернулись с фронта, но Федьки все же смогли встать из пепла.

Герман МОСКАЛЕНКО

После Победы в деревне отстроили десять хат. Но потом время взяло свое: дети перебрались в города, старики поумирали... В 2002 году сельский населенный пункт Федьки был упразднен решением районного Совета депутатов.

Выйдя на пенсию, Эдуард Тимофеевич решил увековечить память о родной деревне, сожженной фашистами. Районные власти поддержали инициативу земляка, и в этом году в канун Дня Победы в агрогородке Иванск состоялось открытие мемориального знака в память о населенных пунктах Иванского сельсовета, которые были сожжены оккупантами в годы Великой Отечественной войны, – деревня Федьки и поселок Беларусь.

– Странно, но наша деревня Федьки в Хатыни не увековечена. Даже точная дата ее сожжения неизвестна. Вот хочу восполнить этот пробел, а также установить памятный знак на месте деревни, от которой сегодня осталось только кладбище, – говорит Эдуард Тимофеевич. – Пройдет время, поднимется подлесок, никто и места, где была деревня, не сможет найти. А ведь это часть нашей истории, часть народной памяти.

Первая командировка в прошлое

Угрюмовские высоты помнят тристо с лишним дней ожесточенных боев.

Сколько их потом было в моей жизни, этих самых командировок, – теперь уже и не упомянуть! Но я век буду благодарен профессии за то, что из всех моих поездок одна – та, первая, на разрез Угрюмово – растянулась для меня на всю жизнь. Потому что до сих пор память нет-нет да и возвращает меня мысленно и наяву туда, на Угрюмово, и я все еще не знаю, когда закончится – и закончится ли она для меня когда-нибудь вообще? – первая моя журналистская командировка.

Одно только знаю: всякий раз по весне, отстоят свое время черемухины холода – и я живу ожиданием, что вот-вот, будто ни с того ни с сего всколыхнется в душе какое-то необъяснимое чувство и позовет меня за собой в среднерусские леса, на маленький разрез, на берега красавицы Вори, где соловьи в эту пору поют лучшие свои песни. И тогда уже ничто не в силах удержать тебя дома, в Москве. Ни четыре часа езды в битком набитой электричке на исходе рабочей недели. Ни пересадка, что предстоит гу-

бойкой ночью в Калуге. Ни еще четыре часа скрипучим местным поездом в сторону Вязьмы. Пока наконец не откроются в запотелом окне Угрюмовские высоты, уже полный птичьего щебета лес и за ним – по самым крышам в тумане, как в собственных снах, разъезд.

...Пипет с Угрюмова путейский бригадир Николай Воробатов – снова зовет к себе в гости. Коротко пипет: страничку, не больше – будто все, какие есть на разъезде, новости решил приберечь к моему приезду. Но и за то спасибо, что обо мне вспомнил, что нашел время черкнуть несколько строк.

Сколько я ни буду ездить в Угрюмово, какие перемены там ни произойдут, он, разъезд, останется для меня все таким же, каким увиделся в первый раз. Голубой от елей лес. На фоне леса двенадцать домов, все в ряд и все окнами, как люди лицом, – к железной дороге. Бригадиров дом с резным крыльцом и рябиной перед окном...

Пипет Николай, что все девять его километров переизмыло хорошо. Что поезда стали ходить быстрее: от Калуги до Угрюмова теперь всего каких-нибудь три часа пути. Что березы, которые мы с ним когда-то посадили в поле, над братской

могилей, те березы теперь больше – только вот боль, людская боль меньше оттого не стала в поле.

Есть что-то суровое в самом этом названии: Угрюмово, что-то невеселое и молчаливое, как тишина. Как тишина над старыми окопами и траншеями, над рядами проволочных заграждений, в которых запутались, да так и остались по сей день стоять деревья. Как тишина после трескот с лишним дней боев на Угрюмовских высотах, в поле перед Ворей. Как тишина над тысячами и тысячами могил, которыми обозначила себя линия фронта от Юхнова – через этот вот разъезд – до самого Гжатска.

Кто сейчас возьмется точно сказать, где, на каких фронтах в сорок втором было всего труднее. Отсюда, от Угрюмовских высот до Москвы, если мерить напрямую, – двести километров. Тогда, в сорок втором, каждый из двухсот километров, отделявших столицу от линии фронта, был, по ощущению самих бойцов, короче, чем сейчас, потому что каждый бой здесь все еще засчитывался как бой за Москву. Те, кто сражался под Угрюмовом, точно знали, что так же, как они, сражаются другие на других фронтах – под

Сталинградом и Тихвином и совсем рядом – под Ржевом и Юхновом. Еще одно они знали: вопрос – выстоит ли Россия? – решится от того, выстоит ли каждый из них там и здесь, на высотах этих, в этом поле...

В поле этом вспоминашь поневоле: Жизнь прожить – не поле перейти. Назовите мне такое поле, Что без боя пройдено в пути. Куликово ль? Это ль, перед Ворей? Не одна ль во всех полях земля? Сколько с нами разделили горя Полям боя ставшие поля!

Застыл, стоит сейчас на виду у всех высот, в поле, на пьедестале бронзовый солдат с припорошенной снегом головой. Стоит в государственной печали над могилей боевых друзей, заслонивших собой в этом поле всю страну и ее маленький разъезд.

Почему каждый год по весне, в канун праздника Победы собираются угрюмовцы, стар и млад, идут сюда поклониться памяти павших, несут с собой цветы самые разные. Как приведу могилу в порядок, снимет путейский бригадир Николай Воробатов свой картуз и скажет самые лучшие, какие только

знает, слова о незнакомых бойцах, заплативших жизнью за то, чтобы всегда стоял на земле дедовский, отцовский и его разъезд, чтобы днем и ночью громы-хали составы на фамильных километрах, чтобы рябина рдела перед окном дома...

От таких слов застынут старики, притихнут на минуту ребята и старые солдаты будут думать, что и на могилах их мужей и сыновей, павших в других полях – под Ельней и Клином, под Белгородом и Старой Руссой, сейчас незнакомые русские женщины, наверное, сажают точно такие же, как здесь, цветы.

Здесь давно поселилась тишина. Но до сих пор еще нет-нет да и охнет земля от взрыва проржавевшей мины. До сих пор еще сидят в телах берез осколки снарядов, и в непогоду под ветром скрипит и стонет от старых ран лес. До сих пор матерям, что со всей России, – по снегу, по траве – проложили сюда самую горькую в своей жизни тропу, всем матерям России в том поле почему-то кажется тот бронзовый солдат похожим на их сыновей, снявшихся до сих пор живыми.

Всены, все лето и до глубокой осени горят в поле, не затухают яркие до боли в глазах цве-

ты и тихо стоит, склоняясь над солдатской могилой, березовая грусть благодарной России.

Каждый год я спешу в Угрюмово и сам не могу себе объяснить – почему. Ладно бы там что-то особенное было у меня связано с той первой моей командировкой. Так нет же, командировка как командировка, только разве что первая. Ладно бы я привез из той командировки первый свой очерк. Так тоже нет, он был написан потом, и вовсе не об Угрюмове. Об Угрюмове я до сих пор толком ничего и не написал и не знаю, напишу ли когда что-нибудь.

Одно только знаю: всякий раз по весне, в начале мая, схлынут черемухины холода – и я снова живу ожиданием, что вот-вот всколыхнется в душе неотступное, как зов, чувство и поведет меня за собой в среднерусские леса, на знакомый разъезд, на берега красавицы Вори, где в эту пору соловьи поют лучшие свои песни.

Так вот каждый год спешу сюда, спешу и сам не могу взять в толк – зачем. То ли я каждый раз заново открываю здесь для себя Россию – то ли в России каждый раз заново открываю самого себя?

Анатолий ВОРОБЬЕВ

не пропаганда, но просвещение

георгиевскими ленточками. Люди не понимают, что вешать символ мужества и отгаки на сумки, антенны автомобилей и бутылки водки – это кощунство. Как быть с этим?

– Я говорил об этом открыто организаторам акции. Идея-то изначально была благая – но во что это вылилось? Конечно, никто не в миллион проконтролировать 200 миллионов людей, каждый из которых использует эту ленту в меру своего понимания. Мы живем в эпоху Интернета. Один дурак напаял ее на ошейник собаке – выложит в Твиттере, и все это разоидется. Опозиция, конечно же, сразу подхватит: вот она, дескать, цена казенного патриотизма! Людям нужно объяснять, что такое орден Славы, что значила эта лента в Российской империи, что значит Георгиевский крест и георгиевское оружие. Когда я вижу, как люди цепляют ленту в качестве украшения, я подхожу прямо на улице и объясняю. У меня к этой ленте отношение трепетное: мой дед – фронтовик.

Но все-таки сознание людей просветается. В первые годы акции можно было с ужасом услышать с экранов ТВ: «Ты настолько патриот, насколько у тебя длинная георгиевская лента». Слава Богу, в этом году ленты уже не крепят к биотузлетам, бутылкам водки, не вкладывают в глянцевые журналы и пачки с пельменями.

– Ваша программа на радио «Голос России» посвящена мифам об истории XX века, в частности – Второй мировой войны. Ведь патриотизм в обществе расшатывают и разного рода исторические фальсификации?

– Да, увы, история Второй мировой и Великой Отечественной по-прежнему является предметом политической спекуляции. Зайдите в книжный магазин – плюрализм мнений очевиден. Но сколько же продается откровенного вранья! Да, с одной стороны, есть свобода слова. Но с другой – надо же соблюдать какую-то порядочность на самом простом человеческом уровне! И есть издательства, которые охотно берутся это печатать, только и питаются за счет таких «сенсационных ис-

следований». Это опять же отголоски 90-х, которые прошли под девизом «Мели, Емеля, твоя неделя». Решили, что теперь можно говорить и писать все, что угодно. Выходят книги, которые открыто оскорбляют и живых ветеранов, и память павших героев. Кстати, побывав в главном книжном магазине Минска, я не нашел ни одной подобной книги. Ответ прост: каждый третий белорус погиб в той войне от рук оккупантов. И подобное просто читать никто не будет. У этого народа могучая генетическая память, которая свято хранится – за что честь и хвала руководству республики. У нас же люди хватают эти книги и, прочитав, думают, что им открылась правда о Второй мировой. А дальше начинают рассказывать знакомым. И так получается очень точно сформулированная мифология. Поэтому нужно вовремя давать ответы и реагировать на фальсификации – иначе они будут появляться и дальше.

В Бразилии каждый говорит о футболе, в Англии – о политике. В России же каждый предпочитает говорить об истории. Но часто об истории гово-

рят, начитавшись и наслушавшись полного вздора. Ведь была прекрасная идея создать коммиссию по борьбе с фальсификациями истории. Увы, не прошла. Поэтому, я считаю, что с восприятием истории у нас катастрофа. За этим должен кто-то следить.

– Нуждается ли патриотизм в пропаганде сегодня?

– Пропагандировать его все равно что пропагандировать любовь к матери. Должна быть не пропаганда, а просвещение. У нас сейчас ошутим прозападный крен, особенно среди молодежи. Думают, что на Западе все хорошо, а у нас все плохо. Но это же не так. Надо больше говорить о достоинствах России. Нам же есть, чем гордиться – согнями наших выдающихся соотечественников, которые внесли вклад в мировое искусство, науку, спорт и т.д. Тогда будет любовь к стране и народу.

Топорная пропаганда неких общественных организаций, не являющихся к тому же исполнителями государственной воли, ни к чему хорошему не приводит. Не дай Бог дойти до такого, как в Америке, где флаг страны на нижнем белье избоб-

ражают. А от квасного патриотизма один шаг до ксенофобии. А вот когда люди смотрят такие фильмы, как «Брестская крепость», «Легенда номер 17», «Достоевский», когда видят победы наших спортсменов, тогда сеются и вырастают зерна патриотизма – не квасного, а настоящего. Это маленькие кирпичики, из которых строится большой дом. Государство не является сейчас доминирующим в пропаганде патриотизма – и это правильно. Нести патриотизм, учить ему друг друга должны люди. Зачатки здравого патриотизма у нас в стране есть, как и здравые его проявления. Да, мало, но причинной этому – те самые лихие 90-е.

– Справедлива ли обида: за что я должен любить родину, если она меня не любит и ничего мне не дает?

– Я всегда в таких ситуациях спрашиваю: ребята, а что лично вы сделали для страны? В чем ваш вклад – в науку, культуру, спорт, промышленность? Очень быстро выясняется, что ни в чем. В силу целого ряда обстоятельств. Так прежде, чем с кого-то что-то требовать, не лучше ли начать с себя? Пра-

вильно говорил герой Булгакова: прежде чем о разруже говорить – стучите себя по лбу. Разруха в головах. В России всегда существовала такая когорта людей, которые ничего не хотели знать, видеть и слушать – только возмущаться и рушить. Это они в конце XIX века стреляли в городских, потом в XX веке разваливали армию и фронт...

Я не согласен с тем, что это какая-то «пятая колонна» и «воины темных сил». Это просто своего рода субкультура, которая активно подпитывается лозунгом: «Государство нам должно». Государство не обязано помогать, оно просто не мешает – и это правильно. А возможностей реализоваться у каждого полно. Не хочешь – никакое государство не поможет. Все зависит только от человека. И не надо во всех неудачах сразу винить государство. У нашей интеллигенции есть давняя традиция: отдавали ногу в трамвае – давай кричать: «Куда смотрит правительство?!» Это уже доктрина, которая тянется еще чуть ли не до XIX века.

Беседовала Татьяна КУТАРЕНКОВА

АНОНС

Первый съемочный день фильма «Батальон смерти»

31 августа в Санкт-Петербурге начинаются съемки художественного полнометражного фильма «Батальон смерти». Картина рассказывает о подвиге отряда женщин, созданного в Санкт-Петербурге по приказу временного правительства в 1917 году для поднятия боевого духа армии. Автор идеи и генеральный продюсер – Игорь Угольников. Режиссер-постановщик – Дмитрий Месхиев. Креативный продюсер – Евгений Айзикович. Военный консультант – Дмитрий Бушмаков. Женские роли исполняют: Мария Кожевникова, Мария Аронова, Екатерина Вилкова и другие. Роль Александра Керенского исполнит Марат Башаров. Приглашаются журналисты. Фильм «Батальон смерти» поддержало Министерство культуры России. Для съемок картины оно выделило государственную субсидию в размере 50 миллионов рублей.

Общий бюджет киноленты составляет 250 миллионов рублей. Увидеть «Батальон смерти» зрители смогут 1 августа 2014 года, в День памяти воинов, погибших в Первой мировой войне. Контакт для аккредитации: Елена Аникина
Тел: +7 916 074 32 34; anikinae@gmail.com

Игорь Угольников и Дмитрий Бушмаков в окружении реконструкторов времен Первой мировой